

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Алхасов М.М., кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Кабардино-балкарский научный центр Российской академии наук,
Тазиев Р.Х., кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований Кабардино-балкарского
научного центра Российской академии наук*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЕ КСЕНОФОБИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, касающиеся форм проявления ксенофобии в различных государственных образованиях в зависимости от общественных и исторических процессов, интенсивности миграционных потоков или иных исторических явлений, а также «процедур» деколонизации. Подчеркивается наличие двух матриц мигрантофобий и различных конфигураций их проявления в зависимости от численного состава городского поселения (например, в т.н. «микро» и «мега» полисах).

Ключевые слова: миграция, фобии, ксенофобия, мирная колонизация, колониальная система, гастарбайтер, деколонизация, авторитаризм

Массовые перемещения населения – миграции, с исторических времен, являясь одной из сторон человеческого бытия, прошли несколько этапов – от мирного (в период первобытно-общинного строя), до силовых захватов новых территорий или их передела – с периода т.н. военной демократии.

Развитие хозяйственной и общественной жизни человечества породили и новые формы переселенческих потоков людей.

Если в прошлом, точнее с началом «Великих географических открытий», превалировали перемещения населения из метрополий во вновь открытые регионы (в основном, с целью их аннексии и ограбления), т.е. население более развитой в экономическом отношении страны перебиралось в менее развитые, то в настоящее время положение изменилось. В настоящее время преобладает вид миграций жителей из менее «продвинутых» в эко-

номическом отношении, в том числе и из бывших колоний, в более развитые. Стремительный рост миграционных потоков, в последние годы, по мнению отдельных исследователей даже определяет демографический мировой ландшафт XXI в. [1]. Не менее императивна («директивна») оценка данного процесса, как «всемирная миграционная революция» [2].

В отличие от прошлого, США и в наши дни, сохранив за собой лидерство в параметрах переселенческих «притяжений» мигрантов, уступили пальму первенства Западной Европе, куда «хлынули» как «экономические «аллохтоны» (гастарбайтеры), так и беженцы. Кроме экономических и политических причин (высокий уровень жизни, наличие демократических институтов), способствующих переселенческим процессам в Европу, данному анатексису способствовали и особенно-

сти законодательной базы Евросоюза. Лишь Устав данной Ассоциации объясняет (в отличие от «синкретических» законов) нам обратную аддикцию сплочения в организационном отношении данного Европейского объединения и степени транспортности его границ. Последняя конъюнктура, как известно, играет немаловажную роль в направленности переселенческой активности населения. А наличие армии т.н. потенциальных аллохтонов демонстрирует актуальность и в наши дни миграционной апории в целом и, в особенности, для Старого Света.

Заметное усиление миграционных процессов в мире (особенно по отношению к «Кондовому континенту») одновременно «простимулировало» и рост антимигрантских настроений в странах, оказавшихся в центре внимания переселенцев. Корреляция между указанными явлениями не вызывает сомнений, так как изменение численного и особенно долевого соотношения коренных жителей и выходцев из других стран и регионов, по мнению местного электората, в немалой степени способствует трансформации (ломки) привычного образа жизни и быта (включая криминализацию общества).

Если термин «ксенофобия» возник в относительно недавнем прошлом то, как психический феномен, он, очевидно, «эскортировал» человечество еще с доисторических времен, в каждую эпоху несколько меняя колер своего проявления, но не саму сущность. Являясь комплексным явлением (можно отметить наличие значительного многообразия форм «фобий»), число и степень тенденциозности (предвзятости) проявления алексий значительно расширяется и усиливается в социально-кризисных ситуациях в обществе.

Следует отметить, что нередко идейная форма

ксенофобии (в отличие от инстинктивной, как формы социального протеста – т.н. «ксенофобия снизу») усиливается по инициативе властей во времена заметных потрясений государства. При этом, подобная ситуация (политика, направленная на усиление ксенофобии в массах), как правило, реже возникает при демократическом правлении и значительно чаще при авторитарном. Генезис указанной формы правления, как известно, не однозначен, но нередко она зарождается, как следствие определенных катаклизмов (например, поражение в войне, неурожайные годы и голод, экономический кризис, распад колониальных владений); в других, является их причиной.

Если в прошлом «грейфер» чужих территорий более сильными «соседями», в одних случаях, заканчивались их аннексией в пользу «метрополии», или дело ограничивалось сбором дани, с другой стороны в подобных «колониях» практически не имела место эксплуатация природных ресурсов завоеванных территорий, как не наблюдалось и заморских его аналогов.

Со времен «Великих географических открытий» колониальная форма эксплуатации захваченных территорий стала складываться как «классическая» система. Появились (и вскоре стали преобладать) и ее варианты «orgi terra». Так же (еще до образования «заморских» колоний, как правило, с появлением классовых обществ) возникли его т.н. «континентальные» разновидности – многонациональные государства-империи.

В данной статье в краткой форме рассмотрены формы проявления ксенофобии («внешней» и «внутренней») в различных общественно-политических ситуациях, в том числе имевших место в постколониальный временной отрезок на примере бывших крупных колониальных госу-

дарств, обладающих заморскими территориями (Испания, Португалия, Англия, Голландия, Франция), и многонациональных стран (империй), также переживших в различные временные периоды отход части или всех «инкорпорированных» территорий (Турция, Австро-Венгрия, Индия, СССР).

Как одно из следствий создания колониальных империй (отчасти, или, в основном, для оправдания захватов), стало появление т.н. «теории» «бремени белого человека», т.е. в странах – метрополиях стало складываться общественное мнение, позже «подкрепленное» специальными «изысканиями», об этническом и особенно расовом неравенстве народов мира.

Таким образом, человечество, с точки зрения колонизаторов, стало дифференцироваться не только на уровне экономических и социальных отношений, но и по расовым, этническим, религиозным и «общественно-государственным» признакам.

Наращение процессов деколонизации во всем мире, в конечном итоге, привело к упадку колониальной системы (продолжавшемуся без малого VI столетий), и обретению политической независимости, составными частями мировой «фанагории». В бывших колониально зависимых странах, по крайней мере на первых ее порах, как правило, наблюдалась общественная ситуация, близкая к эйфории (связанная с восстановлением политического суверенитета), в заметной степени являвшаяся «полюсом» общественной и политической обстановки, господствующей в бывших метрополиях.

После «крутых» поворотов исторического развития каждого государства, как правило, следует определенная (позитивная, негативная) общественная реакция населения, хотя, «реципитата-

ция» последних в различных странах была в достаточной степени неоднозначной. Например, если в некоторых странах в большей степени срабатывают адаптационные рефлексы населения (элиты и рядовых граждан) на возникшие «форс мажорные» бстоятельства, то в других нередко прибегают к иным политическим мерам, о которых будет сказано ниже.

Например, после потери (в итоге Испано-Американской войны 1898 г.) де-факто дефинитивных колоний Испанией в последней, на фоне распада величайшей колониальной империи, водворилась массовая депрессия и деморализация почти всех слоев населения. В плане «рефлекторных действий» в Кастилии наблюдалось как общее брожение населения, вызванное указанными событиями, так и недовольство национальных меньшинств на фоне нерешенных этнических проблем.

Правящая династия страны, для локализации лагеря недовольных, взяла на вооружение т.н. «дуалистическую» тактику. С одной стороны, свертывая общедемократические институты, она стала одновременно укреплять общеиспанский патриотизм, т.е. различными лозунгами и практическими шагами спланировать наиболее многочисленную нацию страны. С другой, последовала тактика ограничения этнических прав народов, населяющих страну. Одним из важных звеньев подобной стратегии, было издание (1906 г.) т.н. «Закона о юрисдикции», по которому нарушение статьи «выступления против Родины» рассматривалось исключительно военным трибуналом [3]. Общая трактовка данного закона, скорее всего, не была однозначной, но в первую очередь, он был направлен против патриотических и национальных движений этнических меньшинств Испании.

Таким образом, всякое национальное движение, в том числе и за этнические права легко могло быть квалифицировано как выступления против единства Родины.

Кроме подобного «закручивания гаек» (в основном направленных против национальных меньшинств), определенному уходу пессимизма государствообразующей нации должен был способствовать и т.н. внешний фактор – территориальные приобретения, полученные Испанией в начале века в результате раздела Марокко (по Фесскому договору).

Подобная стратегия, возведенная в официальный ранг (т.н. государственная испанизация) продолжалась и при Первой диктатуре (генерале Примо де Ривера). Кроме антидемократических постановлений (в том числе – отмен конституционных гарантий) [4]; к закону «О юрисдикции» присоединился новый законодательный акт – «О единстве нации». Указ, упомянутый последним предусматривал: за действия направленные против «единства нации» – например, за не вывешивание национального испанского флага и за применение в публичных выступлениях и официальных актах языков национальных меньшинств – суровое наказание (через суд военных трибуналов). Подобные меры означали, что любые выступления патриотов (из числа национальных меньшинств) могли быть расценены как покушения на интересы испанской нации. Если борьба за этнические права не испаноязычных этносов страны практически объявлялась вне закона, то, как уже говорилось выше, данное положение не касалось самого испанского народа. Как и прежде (даже более того), испанский национализм поощрялся на самом высоком уровне. Идеинная платформа подобной националистической и этноцентристской политики должна

была сплотить граждан страны на основе общенациональных ценностей [5]. Так же в рамках данного декрета в местных школах и культурных учреждениях Каталонии было запрещено преподавание на местном языке. Даже агитация за автономию национальных меньшинств была объявлена изменой.

После смены очередной диктатуры в Испании (т.е. замены авторитарного правления Ривера на диктатуру генерала Франко), во многих европейских (и не только) кругах человеческого сообщества стало создаваться впечатление о появлении в испанском обществе новой общественно-политической традиции – правление страной через авторитарную ее разновидность.

Во времена бессменного, почти 36 летнего единоличного правления Франко, (1939-1975 гг.) в рамках стратегии предыдущих политических режимов (т.е. поощрения испанского национализма и поправки прав этнических меньшинств) добавились существенные практические шаги. Так были упразднены (аннулированы) автономии Каталонии, Галисии, Басконии (восстановленные лишь после падения в 1975 г. данного авторитарного строя).

При этом, определенные усилия международного сообщества (политическая изоляция в послевоенные годы, экономические санкции) не заставили пересмотреть вышеуказанную этнополитическую линию. И лишь в середине 70 х. гг. прошлого века (несмотря на внешнею антиномию – гражданские свободы появились в стране вместе с восстановлением в ней монархии) после демократического переворота 1975 г. Испания пошла общеевропейским демократическим путем. Правда, стоит отметить следующий нюанс современного испанского свободомыслия: здесь и по сей день

действует официально-негласная политика замалчивания и «примирения» жертв режима с «фалангистами» [6].

В соседней колониальной Португалии этнополитическая ситуация в первой половине XX в. развивалась несколько в ином контексте: а). если, например, в Испании, несколько авторитарных режимов, сменяли друг друга в течение 7 десятков лет, в «Галльском порту» мы имеем дело лишь с одним из его разновидностей, правда временным отрезком в несколько десятков лет. б) в Кастилии указанная (авторитарная) политическая система стала утверждаться непосредственно после распада ее колониальных владений. В Португалии (возможно под влиянием распада фанаторий соседней Испании) диктаторский режим, возможно, нанес т.н. «упреждающий» удар, т.е. политическая элита не стала дожидаться отделения своих колониальных владений, а государственно-правовой и особенно экономический «кавардак» имевших место в стране в республиканский период правления окончательно развернул страну и вправо, и в сторону авторитарных методов правления. Например, диктатура премьер-министра Португалии А. Салазара характеризуется большой ролью тайной полиции, наличием цензуры и свертыванием гражданских свобод, репрессиями (вплоть до арестов и тюремного заключения) граждан, находящихся в оппозиции к режиму [7].

Кроме сил внутренней оппозиции, с подобной практикой правления не были согласны и португальские колонии. Но авторитарная политическая система в лице Салазара не церемонилась и здесь. Против оппозиции, повстанцев ведущих освободительную борьбу против португальской администрации, были использованы силовые методы.

На подобные методы правления, возможно,

оказывали воздействие и личностные (честолюбивые) качества диктатора. Последний, образ великой страны (Португалии) напрямую связывал со статусом большой колониальной империи. Таким образом, целостности ее заморских территорий придавалось решающее значение и во внутренней и, особенно, внешней политике, проводимой данным государством.

Стоит отметить, что усилия данного премьер-министра в указанном направлении принесли (правда, как оказалось позже лишь временные) свои плоды. Например, португальские колонии (Ангола, Мозамбик, Португальская Гвинея) еще долгое время оставались в составе «Галльского порта», и лишь демократический переворот в стране в 1975 г. позволил им обрести политическую независимость.

Стоит также отметить, что авторитарная форма правления в Португалии, имела определенные отличия, в частности от испанского в плане «фиксации» основного направления репрессивной политики (она здесь не была, главным образом, ориентирована против национальных меньшинств). Возможно, объяснение данного факта связано с национальным составом страны, где более 90% населения составляли португальцы [8].

В отличие от других стран (например, Испании, Турции) в Португалии не наблюдалась заметная общая депрессия населения от потери ее бывших владений по нескольким причинам: а). мировые процессы деколонизации в указанное время (середина 70х. XX в.) зашли сравнительно далеко, и наличие колоний в данное время воспринималось скорее как исключение, а не правило; б). примеры распада мировой «фанатории» уже сравнительно давно настроили большую часть португальского общества на волну неизбежности падения и «об-

щей» и собственной колониальной системы; в). уход последних «основных» колоний Португалии (возможно, под влиянием падения соседнего режима Франко) совпал с началом эпохи демократических процессов (1975 г.), что в определенной мере приглушило в обществе чувства пессимизма и разочарования. г). в моноэтнической Португалии, с обретением колониями своей независимости, не была востребована «сильная личность» ни для подавления патриотического движения этнических меньшинств страны, ни для оппозиции из числа конкурирующего лагеря.

Во Франции окончательный распад собственной колониальной системы в целом также не вызвал общего уныния населения страны. Во-первых, Франция уже имела исторический опыт деколонизаций приобретенных владений – распад т.н. 1-ой колониальной державы (1546-1809). Во-вторых, отдельные государства уже 2ой колониальной державы стали обретать свою независимость еще до окончания 2-ой мировой войны (Сирия, Ливан), а Лаос и Кампучия вскоре после нее (1953 г.) Серьезный пересмотр колониальной системы в целом и, в частности, собственной произошел в Пятой Республике после т.н. Суэцкого кризиса (закончившимся неудачей и для Франции, и для ее союзника Англии), после которого в течение 2-3 лет (1960-1962 гг.) Французская колониальная система практически перестала существовать.

Стоит отметить, что в целом общественное мнение было готово к подобному (к постколониальному) повороту событий. Таким образом, деколонизация «приобретенных» заморских территорий не привела к установлению авторитарно-тоталитарного режима в стране. Правда, возможно отголоски утраты колониальных владений Пятой

республикой в косвенном плане имели место при создании (1972 г.) «правой» партии Жан-Мари Ле Пеном «Национальный фронт» (в основном, как реакция на массовое переселение алжирцев в страну).

В Англии процесс распада колониальной системы также не стал причиной пессимистических мироощущений ее населения. Стоит отметить, что основные колонии Британии (кроме Индии) получили независимость еще в отдаленный период времени (например, Канада еще в XIX в.; Австралия, Новая Зеландия, Египет, Трансвааль, Нигерия – до Первой мировой войны, а Афганистан и «Южная Ирландия», вскоре после нее).

В определенной степени на колониальный мир в целом, а на Британскую колониальную систему, в частности, оказала влияние т.н. Атлантическая хартия. Хотя, последняя, в основном, была направлена против фашистских государств, стран-агрессоров, в документе затрагивались и иные вопросы, как послевоенное устройство мира, в том числе и проблемы его деколонизации.

Последний удар по колониальным амбициям Британской империи нанес т.н. Суэцкий кризис (1955 г.), где Англия и ее союзница Франция потерпели не только (или, скорее всего, не столько) военное, а дипломатическое поражение после которого в течение 6-7 летнего отрезка времени Британская колониальная система практически прекратила свое существование.

Довольно рано сложившаяся (после Португальской и Испанской) колониальная империя Нидерландов также имела свои особенности. Здесь, как и во Франции, можно говорить о ранней (первой) и более поздней периодизации колониальных владений страны. Например, многие колонии Нидерландов (в Западной Африке, Северной и Южной

Америке, в Южной Азии, Дальнем Востоке были утрачены – в основном, в силу передела колониальных владений, а не обретения ими независимости – еще в 17-19 вв. (в основном, 17-18 вв.). С другой стороны, свою «жемчужину» (Индонезию), Нидерланды потеряли практически ближе к середине XX в. (в 1942 г. после ее японской оккупации).

В мире уже начинали набирать обороты антиколониальные настроения (было достаточно примеров обретения свободы бывшими колониями), а недавняя победа и подписание договора с побежденной (естественно с помощью антифашистской коалиции) Германией не дали в нидерландском обществе в заметной степени распространиться пессимистическим настроениям (тем более у бывшей метрополии оставались еще несколько заморских территорий, получивших независимость гораздо позже – Нидерландская Новая Гвинея (1962), Суринам (1975), Нидерландские Антильские острова (2010)).

Таким образом, и правящий «класс», и другие социальные слои населения страны в моральном плане были готовы к обретению колониями своей независимости, что не вызвало в стране каких-либо неординарных действий и общей деморализации населения.

Довольно неоднозначная реакция на процессы деколонизации (обретения независимости некоторыми этносами, входящими в полиэтнические образования) наблюдалась во многих других странах.

Например, в Индии (после отделения от нее Пакистана и Бангладеш) была принята новая Конституция, содержащая запрет населяющим ее народам создавать отдельные государства (т.е. отказ на политическую самостоятельность другим

индийским этносам).

Несколько иная обстановка сложилась в бывшей Австро-Венгерской многонациональной империи. Просуществовав несколько столетий (под различными названиями), из-за последствий экономического кризиса, сложного положения на фронте (во время Первой мировой войны), национально-освободительной борьбы угнетенных славянских и венгерского народов и революции в России послужили основными причинами ее деструкции (1918 г.) Чехи, венгры, сербы, хорваты, словенцы, поляки и украинцы получили, в том числе и на государственном уровне, свою независимость. При этом, некоторые районы, с преобладающим немецким населением вошли в состав других соседних государств – Италию, Чехию, Словакию, Королевство сербов, хорватов и словенцев (будущую Югославию). Поэтому, кроме определенного морального упадка австро-немцев, связанного с поражением в войне и распадом империи, их недовольство вызывал и переход некоторых районов с преобладающим немецким населением под юрисдикцию других стран. Таким образом, австрийцы, в течение многих сотен лет державшие в подчинении многие славянские и другие народы Европы, стали оперировать понятиями, не свойственными великодержавной (или бывшей таковой) нации, а именно: в духе критики нарушения права наций на самоопределение (выдвинуто В. Вильсоном).

Попытки «компенсации» распада австрийской империи путем объединения двух родственных немецких народов, т.е. осуществление идеи «аншлюса» Австрии и Германии на практической основе также не имели успеха, так как подобная политика не входила в планы развитых европейских держав (например, положения Сен-Жерменского и

Версальского мирных договоров не только не предусматривали подобное объединение, но фактически ее запрещали), что также не прибавило оптимизма австрийским немцам в рассматриваемый отрезок времени.

В некоторых странах (в Турции, Германии) в плане сплочения и в определенной мере избавления от пессимистического мироощущения государствообразующего этноса, имевшее место после распада турецкой империи и поражения Германии в Первой мировой войне, были приняты «неординарные» меры. Например, «Турецкое государство, пережившее крушение Порты, пыталось в корчах обрести новую идентичность при кемалистском режиме. Причины, непосредственно приведшие к массовой резне айсоров, а затем и армян, были различны, однако, как ни страшно сказать, эта кровь (пролитая, в основном, руками курдов, составляющих основу полиции и армии в районах проживания армян и айсоров) сплотила турецкую нацию. Нечто подобное пережила и нацистская Германия: для консолидации народа был избран путь простой и страшный – перенос идеи врага на «вредные народы» [9].

Практически иное наблюдается в постсоветской Российской Федерации, которая также пережила уход (отделение советских республик от страны под названием СССР). Заметные пессимистические настроения, касающиеся как правящей элиты, так и народных масс, естественно, имели место и здесь, что, однако, в конечном итоге, не привело ни к массовым, ни единичным репрессиям.

Правда, как подметили отдельные аналитики, страна после отделения советских республик стала уходить вправо. Например, результаты последних социологических опросов внушают определенную

тревогу. «... по уровню ксенофобских настроений Россия вышла на одно из первых мест в Европе» [12]. По мнению цитируемых авторов все начиналось достаточно безобидно: «... на каком-то этапе власти решили: немного здорового национализма не помешает стране, которая после распада СССР утратила былую мощь и переживает чувство национального унижения...» [10]. В принципе подобная цель достигнута; и в настоящее время в стране не только не наблюдается наличие т.н. «комплекса неполноценности» в формате гражданина РФ, а в последние годы общество, как уже упоминалось выше, заметно сдвинулось вправо, и движение в данном направлении продолжается.

С другой стороны, по поводу указанной проблемы существуют и иные мнения: а). мигрантофобия (правда в облегченной форме) имеет место не только в России; б). что для последней характерно наличие именно ксенофобии «социальной», «инстинктивной», пока не переросшей в «идейную» фобию или в политическую идею.

Вопрос достаточно спорный. Все же допуская верность данного тезиса, при практически безостановочном движении страны вправо, нет достаточной гарантии того, что грядущая трансформация «инстинктивной» ксенофобии («ксенофобия снизу») не перейдет в ее идейный вариант.

В усилении в общественном сознании антимигрантских настроений (ксенофобии), в отдельных странах играет роль не только массовый наплыв иностранцев («гастербайторов», беженцев), но и негласная политика властей в плане определенной дискредитации последних в глазах коренного населения.

Можно предположить, что неоднозначная общественная реакция в многонациональных и колониальных государствах (например, в Турции и

Великобритании, Нидерландах и т.д.) факты отделения (ухода) бывших территорий отчасти объясняются и различным характером (смежности или наоборот) утраченных земель. Возникает ситуация, когда распад многонациональных империй в отличие от отторжения ее заморских территорий, в формате последствий в морально-политическом отношении «расценивается» драматичнее государствообразующей нацией.

Кабардино-Балкария, как одно из небольших звеньев мировых глобальных процессов, попала под общее правило всеобъемлющего «диатексиса», подведя под общее правило и ситуацию, связанную с переселенческими процессами. Республика в последние годы, также «оказалась» в поле зрения как «внутренних», так и «внешних» мигрантов. Например, если на миграционном учете в 2010 г. в КБР состояло «всего» 10 791 иностранных граждан и лиц без гражданства, то в 2013 эти показатели увеличились до 19235 (т.е. наблюдалось практическое его удвоение). Подобные тенденции, как правило, характерны и для всего Северо-Кавказского региона, кроме Чеченской и Ингушской республик. При этом, отдельные лидеры общественных объединений выступают за максимальную прозрачность в таком щепетильном вопросе. «Общественность должна знать, кого берут на работу и насколько хорошо эти люди знают нашу культуру...» [11]. Например, в Ставропольском крае за 5 месяцев 2015 г. поступило 3500 заявлений от иностранцев на оформление патентов на трудовую деятельность [12]. Увеличение численности на территории КБР иностранных граждан и лиц без гражданства продолжилось и в следующем году, хотя и несколько более низкими темпами (на 4%) [16].

Надо отметить определенную разницу в вопро-

сах наличия ксенофобии в городах различной величины. Например, в небольших и средних величин городах страны (в том числе и в Кабардино-Балкарии) не наблюдается ярко выраженной неприязни (ксенофобии) к гастербайторам и приезжему населению, в частности. В КБР подобная ситуация, в основном, складывается по двум причинам: - традиционно свойственным коренному населению толерантности, гостеприимства; - отсутствием (на данный момент) сравнительно массовых уголовных преступлений со стороны переселенцев; отчасти уровнем национального сознания.

При этом, небольшое количество преступлений, совершаемых иностранными гражданами на территории КБР, не может служить надежной гарантией их «затухания» в перспективе.

Например, в 2013 г. на территории КБР иностранными гражданами было совершено 11 преступлений (что составляет 0,2% от их общего числа в целом в республике). По сравнению с аналогичным периодом времени наблюдается увеличение (в два раза) числа правонарушений со стороны иностранных граждан.

Нужно отметить, что и жители республики по отношению к иностранным гражданам ежегодно совершают более десятка правонарушений. Преступления, в основном, совершаются против мигрантов из Среднеазиатских республик, «криминальная хроника» которых пока короче, чем выходцев из иных областей и республик страны. Непонятны мотивы и состав (социальный, этнический) правонарушений против переселенцев, бежавших от военных действий в Сирии. Правда, правительство КБР и некоторые общественные организации оказали (продолжают оказывать) сирийским беженцам и материальную и моральную

поддержку, что кроме всего прочего, очевидно, имеет значение и с политической точки зрения.

Таким образом, рост миграционных потоков в целом в мире (особенно в ЕС), в определенной степени, способствует росту ксенофобии среди населения стран, ставших объектами для переселенцев. При этом уровень и природа мигрантофобии в различных государственных образованиях не совсем однозначны. На данный процесс оказывают влияние одновременно несколько факторов: историческое прошлое конкретной страны (в одних случаях способствуя усилению лояльности к мигрантам – например, в Германии, где особенно в высшем руководстве – имеет место т.н. «комплекс вины», проявляющийся на современном

этапе в виде «компенсации» моральных последствий расово-шовинистической политики проводимой в Германии в 30х гг. прошлого века); общественно-политического сознания данного общества; степени наличия демократии в отдельно взятой стране; массы наплыва переселенцев и изменение их доли в странах миграции (например, более или менее этнически однородной – по европейским меркам – Португалии, практически отсутствуют ксенофобия в его идейном (идеологическом варианте).

При этом, в формировании подобного общественного мнения активное участие принимают как влиятельные партии, так и идеология, «спускаемая» сверху.

Литература

1. На пороге XXI века. Доклад о мировом развитии, 1999-2000 годы. М., Весь мир, Всемирный банк, 2000. С. 18.
2. Покасова Е.В. Этническая маргинальность в изменяющемся мире. WWW Dissercat. Com. /content/ etnischskaua-marginalnost-v-izmenyayushchemsya-mire. Новосибирск, 2005. С. 143.
3. Трайнин И.П. Современная Испания и ее национально-колониальные проблемы. М. 19. С. 63.
4. Гарсия Х. Диктатура Примо де Ривера. М. 1963. С. 72.
5. Галан Х.М. Крушение монархии в Испании. М., 1959. С. 84.
6. Шифер Ю. Возвращение из забвения // GEO. 2011. N8. С. 147.
7. WWW. look Portugal/ coml History. Php. 20 век.
8. [https //ru Wikipedia. Org/ Wiki/ Франция в XX веке.](https://ru.wikipedia.org/wiki/Франция_в_XX_веке)
9. Муравьев А. Ксенофобия: от инстинкта к идее // Отечественные записки. 2004. N4. С. 280.
10. Долгопалова С. Тарасов А. Почему ксенофобов становится все больше? // Эхо планеты, 2006. N23. С. 6.
11. Аргументы и факты. 2015. N22.
12. Данные миграционной службы республики, NQMC-2/78 51 от 04.09.2014 г.

References

1. Na poroge HKHI veka. Doklad o mirovom razvitii, 1999-2000 gody. M., Ves' mir, Vsemirnyj bank, 2000. S. 18.
2. Pokasova E.V. Etnicheskaya marginal'nost' v izmenyayushchemsya mire. WWW Dissercat. Com. /content/etnicheskaya-marginalnost-v-izmenyayushchemsya-mire. Novosibirsk, 2005. S. 143.
3. Trajnin I.P. Sovremennaya Ispaniya i ee nacional'no-kolonial'nye problemy. M. 19. S. 63.
4. Garsiya H. Diktatura Primo de Rivera. M. 1963. S. 72.
5. Galan H.M. Krushenie monarhii v Ispanii. M., 1959. S. 84.
6. SHifer YU. Vozvrashchenie iz zabyt'ya // GEO. 2011. N8. C. 147.
7. WWW. Iook Portugal/ com/ History. Php. 20 vek.
8. https://ru.wikipedia.org/wiki/Franciya_v_HKH_veke.
9. Murav'ev A. Ksenofobiya: ot instinkta k idee // Otechestvennye zapiski. 2004. N4. S. 280.
10. Dolgopalova S. Tarasov A. Pochemu ksenofobov stanovitsya vse bol'she? // Ekho planety, 2006. N23. S. 6.
11. Argumenty i fakty. 2015. N22.
12. Dannye migracionnoj sluzhby respubliki, NQMC-2/78 51 ot 04.09.2014 g.

*Alkhasov M.M., Candidate of Sociological Sciences (Ph.D.), Senior Research Officer,
Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Taziev R.H., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Research Officer,
Institute of Humanitarian Studies
Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

**MIGRATION AND THE PHENOMENON OF XENOPHOBIA
IN THE CONTEXT OF HISTORICAL DEVELOPMENT**

Abstract: the article deals with the issues concerning the forms of xenophobic manifestations in various state entities depending on social and historical processes, in particular, the intensity of migration flows or other historical phenomena, as well as the "procedures" of decolonization. The presence of two types of migrant phobias and different forms of their manifestation depending on the numerical composition of the urban settlement (for example, in the so-called "micro" and "mega" policies) are emphasized.

Keywords: migration, phobias, xenophobia, peaceful colonization, colonial system, guest worker, decolonization, authoritarianism